К вопросу о таксономических характеристиках притяжательных местоимений удмуртского языка

Н. В. Кондратьева

*Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация
nataljakondratjeva@yandex.ru*

О. Б. Стрелкова

*Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация
olstr@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Описанию и характеристике местоимений пермских языков в научной литературе уделяется пристальное внимание, что, безусловно, объясняется их высокой дистрибутивной нагрузкой в речи. Необходимо отметить, что местоимения – это такая совокупность слов, относительно статуса которых в языках нет единого мнения. Расхождения среди языковедов наблюдаются как по вопросам об объёме класса местоимений, так и о его отнесении к отдельной части речи. При характеристике местоимений учитывается, прежде всего, общий характер их семантики, который проявляется в том, что они не называют предмет, его свойства, а указывают на них, т. е. являются дейктическими словами. Так и вопрос о статусе и составе притяжательных местоимений в ряде языков, в том числе и в удмуртском, является актуальным: одни учёные признают наличие отдельного разряда притяжательных местоимений, другие рассматривают в качестве таковых косвенные формы (формы родительного и разделительного падежей) различных разрядов личных и неличных групп местоимений.

Цель: рассмотреть особенности притяжательных местоимений в системе местоимений удмуртского языка и выявить их основные таксонометрические характеристики.

Материалы исследования: эмпирической базой для проведения исследования стали художественные произведения удмуртских писателей 1960–2000-х гг.

Результаты и научная новизна. В работе предпринят первый опыт анализа системы местоимений современного удмуртского языка и системного описания всех возможных случаев образования притяжательных форм местоимений; определены их основные грамматические характеристики. В научный оборот вводятся новые лингвистические данные, которые могут стать дополнительным источником для сравнительно-типологического изучения местоимений разноструктурных языков.

Ключевые слова: удмуртский язык, морфология удмуртского языка, местоимения, притяжательные местоимения, выделительно-указательный суффикс.

Для цитирования: Кондратьева Н. В., Стрелкова О. Б. К вопросу о таксономических характеристиках притяжательных местоимений удмуртского языка // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 62–69.

To the question about taxonomic features of possessive pronouns of the Udmurt language

N. V. Kondratyeva

*Udmurt State University,
Izhevsk, Russian Federation,
nataljakondratjeva@yandex.ru*

O. B. Strelkova

*Udmurt State University,
Izhevsk, Russian Federation,
olstr@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the description and characterization of pronouns of Permian languages in the scientific literature is given quite close attention, which, of course, is due to their high distribution in speech. It should be noted that pronouns are a set of words that do not have a common opinion about their status in languages. Differences among linguists are observed both on questions about the volume of the class of pronouns, and about its attribution to a separate part of speech. When describing pronouns, first of all, the general character of their semantics is that they do not name the object, its properties, but indicate them, i.e. they are deictic words. So the question about the status and components of possessive pronouns in a number of languages, including the Udmurt, is relevant: some scientists recognize the presence of a separate category of possessive pronouns, others consider indirect forms (forms of genitive and separative cases) of various categories of personal and non-personal groups of pronouns.

Objective: to consider the features of possessive pronouns in the system of pronouns of the Udmurt language and identify their main taxonomic characteristics.

Research materials: texts by Udmurt writers and poets written between 1960s and 2000s.

Results and novelty of the research: the work contains the first experience of systematic description of all possible cases of possessive pronoun formation and delineation of their grammar characteristics. New linguistic data, which can be used as additional resources for the comparative and typological research of languages with different structures, is introduced into academic circulation.

Key words: Udmurt, morphology of the Udmurt language, pronouns, possessive pronouns, determinative and demonstrative suffix.

For citation: Kondratyeva N. V., Strelkova O. B. To the question about taxonomic features of possessive pronouns of the Udmurt language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (1): 62–69.

Введение

Пермские местоимения как древнейший пласт лексики финно-угорского (уральского) происхождения представляют несомненный интерес не только для уралоистики, но и для сравнительно-исторических и типологических исследований разноструктурных языков. Значимый вклад в теорию и методологию изучения местоимений финно-угорских языков внесли труды К. Е. Майтинской [5; 6; 7; 8; 9; 10], Г. В. Федюновой [16; 17; 18; 19; 23; 24], С. А. Сажинной [12; 13], S. Csúcs [22], K. Rédei [27] и др. При написании работы также учитывались труды зарубежных исследователей, рассматривающих вопросы посессивности в разноструктурных языках [21; 25; 28].

Исследуя таксонометрические характеристики притяжательных местоимений в удмуртском языке, мы принимали во внимание то, что «класс местоимений представляет собой естественную систему, обладающую основными признаками такой системы: это исторически сложившийся класс функционально единообразных слов, объединяющий в себе такие участки (подмножества), которые, существуя под эгидой вершины (вершинного ряда), находятся друг с другом в отношениях постоянного и тесного взаимодействия, их организующего и сопрягающего» [18, 7–8].

Изучению теоретических аспектов местоимений посвящены многочисленные исследования, специальные разделы в дескриптивных

и исторических грамматиках конкретных языков, монографии описательного и общетеоретического характера.

В системе современного удмуртского языка выделяется 12 групп местоимений, 6 из которых представляют группы личных местоимений (собственно-личные, взаимно-личные, обобщённо-личные, усилительно-личные, послеложно-личные, счётно-личные) и 6 групп неличных местоимений (вопросительно-относительные, определительные, указательные, отрицательные, неопределённые, притяжательные).

Вопрос о статусе и составе притяжательных местоимений в указанной классификации до настоящего времени остаётся открытым, т. к., с одной стороны, ряд учёных придерживается мнения о том, что в удмуртском языке нет собственно притяжательных местоимений. В частности, С. Едыгарова, ссылаясь на труды удмуртского учёного П. Н. Перевошикова [11, 90] и финского исследователя R. Bartens [21, 149–151], отмечает, что рассматриваемые формы представляют собой личные местоимения в форме генитива и аблатива, которые в силу древнего происхождения лишь имеют иную форму [3, 183].

С другой стороны, рядом учёных выделяется отдельная группа притяжательных местоимений, которые указывают на признак предмета по его принадлежности чему-то или кому-то [15, 123; 2, 172; 14, 15; 4, 26].

Основной целью нашей работы является выявление таксонометрических характеристик

притяжательных местоимений как отдельной группы в системе современного удмуртского языка.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили художественные произведения удмуртских писателей 1960–2000-х гг. Лингвистический материал анализируется и интерпретируется в контексте литературного языка.

При подготовке статьи использованы описательный метод лингвистического анализа и методика морфемного и словообразовательного анализов, которые позволили рассмотреть и систематизировать притяжательные местоимения удмуртского языка.

Результаты исследования

В описательных грамматиках удмуртского языка к группе притяжательных местоимений традиционно относят следующие грамматические формы местоимений [15, 123; 2, 172; 14, 15]:

а) краткая неизменяемая форма-основа усиленно-личного местоимения *ас* ‘свой, собственный’: существительное в контексте с данным местоимением маркируется притяжательным суффиксом: *ас гуртэ* ‘моя (собственная) деревня’, *ас гуртэд* ‘твоя (собственная) деревня’, *ас гуртэз* ‘его/её (собственная) деревня’, *ас гуртмы* ‘наша (собственная) деревня’, *ас гуртты* ‘ваша (собственная) деревня’, *ас гуртсы* ‘их (собственная) деревня’. Необходимо подчеркнуть, что наряду со значением притяжательности, принадлежности какому-либо лицу, в данных конструкциях идёт выражение усиленного значения ‘свой, собственный’, заложенное в лексическом значении местоименной формы-модификатора: *Мон тонэ ас сюлмысьтым воксёлы ёушем ни вал.* ‘Я ж тебя из собственного сердца уже навеки стёр’;

б) краткая основа усиленно-личного местоимения *ась-* с суффиксом притяжательности *асьме* ‘наш’, *асьтэ* ‘ваш’, *асьсэ* ‘их’: *асьме гуртмы* ‘наша деревня’, *асьтэ гуртты* ‘ваша деревня’, *асьсэ гуртсы* ‘их деревня’: *Соснов нош ик часэз шоры учке но ужасьёсыз асьсэ отделиносазы мыныны косэ.* ‘Соснов снова смотрит на часы и приказывает сотрудникам отправляться по своим отделениям’;

в) формы родительного и разделительного падежей усиленно-личных местоимений *аслам* ‘мой (свой)’, *аслад* ‘твой (свой)’, *аслаз* ‘его/её (свой/своя)’, *асьмелэн* ‘наш (свой)’, *асьтэлэн* ‘ваш (свой)’, *асьсэлэн* ‘их (свой)’, *аслэсьтым*, *аслэсьтыд*, *аслэсьтымз*, *асьмелэсь*, *асьтэлэсь*, *асьсэлэсь*: *аслам гуртэ* ‘моя (своя) деревня’, *аслад гуртэд* ‘твоя (своя) деревня’, *аслаз гуртэз* ‘его/её (своя) деревня’: *Тома но аслаз «комната» шуоназ – векчи гинэ пул висьет сьёрын – изе на, лэся, куараез уг кылйськы.* ‘И Тома в своей так называемой комнате – за тоненькой деревянной стенкой – кажется, ещё спит, голоса не слышно’;

г) формы родительного и разделительного падежей собственно-личных местоимений: *мынам* ‘мой’, *тынад* ‘твой’, *солэн* ‘его/её’, *милям* ‘наш’, *тйляд* ‘ваш’, *соослэн* ‘их’; *мынэсьтым*, *тынэсьтыд*, *солэсь*, *милэсьтым*, *тйлэсьтыд*, *соослэсь*: *Таиз тынад койкаед луоз, Риммочка.* ‘Это будет твоя кровать, Риммочка’.

По мнению исследователей, указанная группа притяжательных местоимений выделяется в особый разряд на основании того, что определяемое существительное маркируется притяжательным суффиксом, выражая принадлежность лицу, обозначенному через притяжательное местоимение. Связь в таком словосочетании осуществляется путём изафета. В. М. Вахрушев назвал эту связь полной изафетной связью, поскольку она образует изафетную конструкцию с морфологически взаимософормленными компонентами [1, 99].

Однако, как показывает корпус текстов из художественной литературы, список форм местоимений, выступающих в аналогичной роли модификатора в генитивной или аблативной форме, в дескриптивных грамматиках приводится далеко неполный, так как в подобной функции оказываются также следующие группы местоимений:

Обобщённо-личные местоимения в форме родительного и разделительного падежей: *ваньмылэн ужсьёсмы* ‘работы всех нас’, *ваньдылэн ужсьёсты* ‘работы всех вас’, *ваньмылэсь ужсьёсмес* ‘работы (В. п.) всех нас’, *ваньдылэсь ужсьёстэс* ‘работы (В. п.) всех вас’: *Фотограф ваньзылэсь карточкаоссэс бичаз, собере ваньзылэсь ымнырьёссэс одйг бумага лист вылэ пичиесь гинэ, котресак вандылыса пуктылэм.* ‘Фотограф собрал фотографии всех, затем лица всех, вырезав маленькими кружочками, разместил на одном листе бумаги’;

Счётно-личные местоимения (образованы от числительных с помощью аффикса *-на-* и притяжательного суффикса либо от числительного и притяжательного суффикса) в форме родительного и разделительного падежей: *кыкнамылэн ужмы* ‘работы нас обоих’, *кыкнамылэсь ужмес* ‘работы (В. п.) нас обоих’, *кыкнадылэн ужды* ‘работы вас обоих’, *кыкнадылэсь уждэс* ‘работы (В. п.) вас обоих’: *Кыксылэн но кусыпсы төлъя-бурья пурзъыса кошкиз*. ‘Отношения их обоих не удались’;

Взаимно-личные местоимения *ог-огмы* ‘мы друг друга’, *ог-огды* ‘вы друг друга’, *ог-огзы* ‘они друг друга’ в форме родительного и разделительного падежей: *ог-огмылэсь книгаосмес* ‘книги (В. п.) (наши) друг-друга’, *ог-огдылэн ужжэсты* ‘работы (ваши) друг друга’.

В подобных словосочетаниях связь между компонентами также осуществляется путём изафета. Можно увидеть полную парадигму изменения по лицам во множественном числе всех вышеназванных форм местоимений, например:

1 л. мн. ч. *Ваньмылэн ужмы* ‘работа нас всех’

2 л. мн. ч. *Ваньдылэн ужды* ‘работа вас всех’

3 л. мн. ч. *Ваньзылэн ужзы* ‘работа их всех’

1 л. мн. ч. *Куиньнамылэн ужмы* ‘работа всех нас троих’

2 л. мн. ч. *Куиньнадылэн ужды* ‘работа всех вас троих’

3 л. мн. ч. *Куиньназылэн ужзы* ‘работа всех их троих’

1 л. мн. ч. *Ог-огмылэн ужмы* ‘работа (наша) друг друга’

2 л. мн. ч. *Ог-огдылэн ужды* ‘работа (ваша) друг друга’

3 л. мн. ч. *Ог-огзылэн ужзы* ‘работа (их) друг друга’

Соответственно, в абсолютно идентичной позиции (в генитивной и аблативной форме в качестве определяющего слова к существительному, маркированному соответствующим притяжательным суффиксом) используются все группы личных местоимений, кроме послеложно-личных, которые занимают своеобразное место среди других разрядов личных местоимений.

Необходимо отметить, что посессивные маркеры третьего лица (*-ез* ‘его/её’, *-ыз* ‘их’) используются и в других разрядах местоимений в форме родительного и разделительного

падежей, выступающих в качестве модификатора: *котькинлэн ужез* ‘работа каждого’ (определительное местоимение), *нокинлэн ужез* ‘ничья работа’ (отрицательное местоимение), *таослэн ужзы* ‘работа этих’ (указательное местоимение), *талэн ужез* ‘работа этого’ (указательное местоимение), *олокинлэн книгаез* ‘чья-то работа’ (неопределённое местоимение), *кинлэн ужез* ‘чья работа’ (вопросительно-относительное местоимение): *Нош киосыз тауизлэн шунытэсь, чанак Риммалэн аслаз анаезлэн кадэсь ик*. ‘А руки у этой тёплые, совсем как у Римминой мамы’; *Стройкаын көня организация, котькудүйзлэн аслаз командаез*. ‘Сколько организаций на стройке, у каждого своя команда’; *Нокинлэн но йыраз но оз лыкты, солэн нылыз но вань на шуыса*. ‘Никому и в голову не пришло, что у неё ещё и дочь есть’.

Таким образом, притяжательные местоимения образуются формами родительного и разделительного падежей пяти групп личных местоимений (собственно-личные, взаимно-личные, обобщённо-личные, усилительно-личные, счётно-личные (кроме послеложно-личных местоимений)) и шести групп неличных местоимений (вопросительно-относительные, определительные, указательные, отрицательные, неопределённые).

С точки зрения грамматических характеристик, важной особенностью всех притяжательных местоимений является возможность их маркирования выделительно-указательным суффиксом *-эз(-ез)*, *-ыз*, который указывает на дополнительное значение ‘именно тот, который мой/твой/его/её/наш/ваш/их’.

В отличие от группы притяжательных местоимений, эта особенность не характерна для других групп исходных местоимений, поскольку, выступая в форме родительного или разделительного падежа, последние не могут иметь выделительно-указательный суффикс, ср.: *мынэсьтым кышкало* ‘меня бояться’, *мынам потэ шутэтскеме* ‘мне хочется отдохнуть’ (*мон* ‘я’ в форме разделительного и родительного падежей) и *мынам книгае* ‘моя книга’ – *мынамеэз книгае* ‘именно моя книга’, *мынэсьтым книгаме* ‘мою книгу’ – *мынэсьтымзэ книгаме* ‘именно мою книгу’ (притяжательные местоимения, образованные от собственно-личного местоимения *мон* ‘я’).

Говоря об особенностях местоимений как отдельной части речи, необходимо особо под-

черкнуть такую характеристику, как их формальная вариативность. Особенно актуальный характер она приобретает в языках агглютинативного типа, в которых «стандартные, фонетически устойчивые морфемы избираются из коллекции для выражения актуального значения словоформы, сохраняя при этом автономность. Относительная морфемная свобода и семантическая аморфность местоимений дают возможность сосуществовать в языке большому количеству вариативных форм» [20, 11]. Указанная особенность характерна и для группы притяжательных местоимений.

Как подчёркивает В. М. Вахрушев [1, 100], определяемое слово при определении-местоимении 1 и 2 лица, имеющем выделительно-указательный суффикс, не всегда оформляется притяжательными аффиксами, ср.: *мынам*

изьые ‘моя шапка’ – *мынамеэз изьыи (изьые)* ‘именно моя шапка’, *мынэсьтым изьыме* ‘мою шапку’ – *мынэсьтымзэ изьыез (изьыме)* ‘именно мою шапку’; *тынад машинаед* ‘твоя машина’ – *тынадэз машина (машинаед)* ‘именно твоя машина’, *тынэсьтымд машинадэ* ‘твою машину’ – *тынэсьтымдзэ машинаез (машинадэ)* ‘именно твою машину’.

Как видно из представленных примеров, компоненты изафетных конструкций при употреблении с выделительно-указательными суффиксами согласуются в падеже, т. е. определение принимает ту же падежную форму, что и главное слово (табл. 1). Но иногда наблюдается согласование не только в форме числа и падежа, но и в лице, когда сохраняется маркер притяжательности при определяемом компоненте.

Таблица 1

Склонение притяжательного местоимения, имеющего выделительно-указательный суффикс

Именительный	<i>Мынам-ез гурт-э</i>	Именно моя деревня
Винительный	<i>Мынэсьтым-з-э гурт-м-е</i>	Именно мою деревню
Родительный	<i>Мынам-ез-лэн гурт-э-лэн</i>	Именно у моей деревни
Разделительный	<i>Мынам-ез-лэсь гурт-э-лэсь</i>	Именно от моей деревни
Дательный	<i>Мынам-ез-лы гурт-э-лы</i>	Именно моей деревне
Лишительный	<i>Мынам-ез-тэк гурт-э-тэк</i>	Именно без моей деревни
Творительный	<i>Мынам-ены-з гурт-эны-м</i>	Именно моей деревней
Соответственный	<i>Мынам-езь-я гурт-э-я</i>	Именно в соответствии с моей деревней
Местный	<i>Мынам-а-з гурт-а-м</i>	Именно в моей деревне
Входный	<i>Мынам-а-з гурт-а-м</i>	Именно в мою деревню
Исходный	<i>Мынам-ысьты-з гурт-ысьты-м</i>	Именно из моей деревни
Отдалительный	<i>Мынам-ысены-з гурт-ысены-м</i>	Будучи именно в моей деревне
Переходный	<i>Мынам-етй-з гурт-этй-м</i>	Именно по моей деревне
Предельный	<i>Мынам-озя-з гурт-озя-м</i>	Именно до моей деревни
Направительный	<i>Мынам-ез-лань гурт-э-лань</i>	Именно в сторону моей деревни

Обсуждение и заключение

При изучении вопросов, связанных с определением статуса притяжательных местоимений как отдельной группы местоимений в системе удмуртского языка, мы исходили из наличия смыслообразующей категории и стабильности строевых единиц. Именно функционирование притяжательных местоимений в качестве модификатора в изафетных конструкциях (нетипичная для остальных групп местоимений синтак-

сическая особенность) и их дистрибуция с выделительно-указательным суффиксом (специфичная морфологическая черта, которая также не характерна остальным членам парадигмы местоименных форм) дают основание полагать, что в удмуртском языке целесообразно выделять отдельную самостоятельную группу притяжательных местоимений не смотря на то, что они образованы от других разрядов местоимений. При этом следует иметь в виду, что притяжательными местоимениями являются

местоимения других групп в форме родительного и разделительного падежа, но выступающие только в качестве модификатора имени существительного. В иных случаях (когда они объясняют глагол и глагольные формы) эти же формы следует рассматривать как формы косвенных падежей исходных местоимений.

Таким образом, к числу основных таксономических характеристик притяжательных ме-

стоимений удмуртского языка можно отнести следующие особенности:

а) семантическая нагрузка (функционирование в изафетных конструкциях);

б) морфологическое маркирование (возможность присоединения выделительно-указательных суффиксов);

в) синтаксическое сращение двух типов связи (изафет и согласование).

Список источников и литературы

1. Вахрушев В. М. Изафетные конструкции в удмуртском языке // Записки УдНИИ. Ижевск: УдНИИ, 1970. Вып. 21. С. 78–105.
2. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
3. Едыгарова С. В. Категория посессивности в удмуртском языке: дис... д. филос. наук. Тарту, 2010. 290 с.
4. Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка. Формирование и современное состояние: дис. ... д. филол. наук. Ижевск, 2018. 562 с.
5. Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М.: Наука, 1964. 110 с.
6. Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308 с.
7. Майтинская К. Е. «Притяжательные местоимения» в финно-угорских языках // Советское финно-угроведение. 1969. № 4. С. 237–243.
8. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
9. Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 185 с.
10. Майтинская К. Е. Местоименные и служебные слова // Финно-волжская языковая общность. М.: Наука, 1989. С. 175–262.
11. Перевощиков, П. Н. Притяжательные формы имен в определительных словосочетаниях удмуртского языка // Записки УдНИИ. Ижевск: УдНИИ, 1957. Вып. 18. С. 71–92.
12. Сажина С. А. Указательные местоимения в языке Кировских пермяков // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 68–76.
13. Сажина С. А. Словоизменение личных местоимений в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. 4 (22). С. 50–59.
14. Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Нимвоштос. Азьпечатлос. Ижкар: Удмурт университет, 2003. 32 б.
15. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов. Ижевск: Удмурт университет, 2011. 408 б.
16. Федюнева Г. В. Коми местоимение: к проблеме формального варьирования в языке. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2000. 76 с.
17. Федюнева Г. В. Местоимение как микросистема частей речи // Пермистика IX: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск: Удмуртский университет, 2002. С. 434–442.
18. Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427 с.
19. Федюнева Г. В. Свое и чужое в структуре пермских отрицательных местоимений // Пермистика XVI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар: Удмуртский ун-т, 2017. С. 325–334.
20. Шведова Н. Д. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
21. Bartens R. Permilaisten kielen rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 2000. 372 p.
22. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 495 p.
23. Fedjuneva G. Die Entwicklung der nominalen Ableitungstämme in den permischen Sprachen // Lapponica et uralica. Uppsala: Uppsala universitet, 1994. P. 32.
24. Fedjuneva G. Formal variability and typology of language (Komi pronouns, as an example) // Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum. Tartu: [w/p], 2000. Pars II. P. 52.

25. Heine B. Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 292 p.
26. Maksimov S. A., Panina T. I. On the Category of Clusitiv in the Udmurt Language // *Linguistica Uralica*. 2018. Vol. 54. №. 3. P. 213–224.
27. Rédei K. Zur Geschichte der finnougriischen Personalpronomina // *Linguistica Uralica*. 1998. № 4. Pp. 341–352.
28. Seiler H. Possession as an operational dimension of language. Tübingen: Gunter Narr, 1983. 320 p.

References

1. Vakhrushev V. M. *Izafetnye konstrukcii v udmurtskom jazyke* [Izafet (possessive) constructions in the Udmurt language]. *Zapiski UdNII* [Notes of the Udmurt Research Institute]. Izhevsk: UdNII Publ., 1970. Vol. 21. pp. 78–105 (In Russian)
2. *Grammatika udmurtskogo jazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Udmurt language: Phonetics and morphology]. Ed. by P. N. Perevoshchikov. Izhevsk: Udm. kn. izd. Publ., 1962. p. 376 (In Russian)
3. Edygarova S. V. *Kategorija possessivnosti v udmurtskom jazyke* [Category of possession in the Udmurt language]. Tartu, 2010. 290 p. (In Russian)
4. Karpova L. L. *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo jazyka. Formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language. Formation and modern state]. Izhevsk, 2018. 562 p. (In Russian)
5. Maytinskaya K. E. *Mestoimenija v mordovskih i marijskih jazykah* [Pronouns in the Mordovian and Mari languages]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 110 p. (In Russian)
6. Maytinskaya K. E. *Mestoimenija v jazykah raznyh system* [Pronouns in languages of different systems]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 308 p. (In Russian)
7. Maytinskaya K. E. «Prit'azhatel'nyje mestoimenija» v finno-ugorskih jazykah [«Possessive adjectives» in the Finno-Ugric languages]. *Sovetskoje finno-ugrovedenije* [Soviet Finno-Ugric Studies], 1969, no. 4, pp. 237–243. (In Russian)
8. Maytinskaya K. E. *Istoriko-sopostavitel'naja morfologija finno-ugorskih jazykov* [Historical and comparative morphology of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 263 p. (In Russian)
9. Maytinskaya K. E. *Sluzhebnyje slova v finno-ugorskih jazykah* [Function words in the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 185 p. (In Russian)
10. Maytinskaya K. E. *Mestoimennyje i sluzhebnyje slova* [Pronouns and function words]. *Finno-volzhskaia jazykovaja obshnost'* [Finno-Volga language community]. Moscow: Nauka Publ., 1989. pp. 175–262. (In Russian)
11. Perevoshchikov P. N. *Prit'azhatel'nyje formy imen v opredelitel'nyh slovosochetaniyah udmurtskogo jazyka* [Possessive forms of names in attributive word combinations of the Udmurt language]. *Zapiski UdNII* [Notes of the Udmurt Research Institute]. Izhevsk: UdNII Publ., 1957. Vol. 18. pp. 71–92. (In Russian)
12. Sazhina S. A. *Ukazatel'nye mestoimeniya v yazyke kirovskih permyakov* [Demonstrative pronouns in the language of the Kirov Permyaks]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2018, no. 2, pp. 68–76. (In Russian)
13. Sazhina S. A. *Slovoizmenenie lichnyh mestoimenij v verhnekamskom narechii komi-permyackogo yazyka* [Inflection of personal pronouns in the Upper-Kama dialect of the Komi-Permyak language]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2018, no. 4, pp. 50–59. (In Russian)
14. Tarakanov I. V. *Tuala udmurt kyl: Nimvosctos. Az'pechatlos* [Present-day of the Udmurts: Pronoun. Preprint]. Izhar: «Udmurt universitet» Publ., 2003. 32 p. (In Udmurt)
15. *Udmurt kyllen kylkabtodosez (morfologiez): todoslyko-dysheton izdaniye* [Morphology of Udmurt: academic textbook]. Izhevsk: Udmurt universitet Publ., 2011. 408 p. (In Udmurt)
16. Fedyuneva G. V. *Komi mestoimenije: k problem formal'nogo var'irovanija v jazyke* [Pronouns in the Komi language: to the problem of formal variation in language]. Syktyvkar: Komi NC UrO RAN Publ., 2000. 76 p. (In Russian)
17. Fedyuneva G. V. *Mestoimenije kak makrosistema chastej rechi* [Pronoun as the macro-system of parts of speech]. *Permistika IX: voprosy permskoj i finno-ugorskoj filologii* [Permistika: problems of Permian and Finno-Ugric Philology]. Izhevsk: Udmurtskij universitet Publ., 2002. pp. 434–442. (In Russian)
18. Fedyuneva G. V. *Pervichnyje mestoimenija v permskih jazykah* [Primary pronouns in the Permian languages]. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 2008. 427 p. (In Russian)
19. Fedyuneva G. V. *Svoje i chuzhoje v structure permskih otricatel'nyh mestoimenij* [Us and them in structure of Permian negative pronouns]. *Permistika XVI: Dialekty i istoriya permskih jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi*

yazykami [Permistika XVI: Dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages]. Syktyvkar: Udmurtskij un-t Publ., 2017. pp. 325–334 (In Russian)

20. Shvedova N. D. *Mestoimenije i smysl* [Pronoun and meaning]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1998. 176 p. (In Russian)

21. Bartens R. *Permilaisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 2000. 372 p. (In Finnish)

22. Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 495 p. (In German)

23. Fedjuneva G. Die Entwicklung der nominalen Ableitungstamme in den permischen Sprachen. *Laponica et uralica*. Uppsala: Uppsala universitet, 1994. p. 32. (In German)

24. Fedjuneva G. Formal variability and typology of language (Komi pronouns, as an example). *Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum*. Tartu: [w/p], 2000. Pars II, pp. 52. (In English)

25. Heine B. *Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 292 p. (In English)

26. Maksimov S. A., Panina T. I. On the Category of Clusivity in the Udmurt Language. *Linguistica Uralica*, 2018, no. 54 (3), pp. 213–224. (In English)

27. Rédei K. Zur Geschichte der finnougri-schen Personalpronomina. *Linguistica Uralica*, 1998, no. 4, pp. 341–352. (In German)

28. Seiler H. *Possession as an operational dimension of language*. Tübingen: Gunter Narr, 1983. 320 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кондратьева Наталья Владимировна, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет» (426034, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), доктор филологических наук.

nataljakondratjeva@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-3632-503X

Стрелкова Ольга Борисовна, доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет» (426034, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), кандидат филологических наук.

olstr@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4411-1389

ABOUT THE AUTHORS

Kondratyeva Natalia Vladimirovna, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (426034, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, Universitetskaya st. 1), Doctor of Philological Sciences.

e-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-3632-503X

Strelkova Olga Borisovna, Associate Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (426034, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1), Candidate of Philological Sciences.

e-mail: olstr@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4411-1389